

Дорога песчаной полосой тянулась по Караканскому бору. По сторонам плотной стеной стояли стройные высокие сосны. На востоке над лесом поднималось солнце, озаряя вершины деревьев с правой стороны просеки. Я спешил в Ерестную к Ольге Григорьевне Дедовой, которая пригласила меня на сбор поспевшей черники.

Ежегодные поездки к Петру Павловичу Дедову на его дачу в деревню Ерестную доставляли мне большое удовольствие. Мы собирали грибы и ягоды, гуляли по окрестностям и обсуждали интересующие нас проблемы. Я всегда делился с ним своими творческими планами. После ухода его из жизни, я ежегодно навещаю Ольгу Григорьевну Дедову в Караканском бору. Мы посещаем любимые Петром Павловичем места, вспоминаем события минувших лет.

Остановив машину около первого дома при въезде в посёлок, достал сотовый телефон и набрал номер хозяйки дома. В это время открылась калитка в высоком новом заборе и показалась Ольга Григорьевна.

После дружеских приветствий, мы вошли во двор и оказались рядом с домиком, в котором многие годы работал Пётр Павлович Дедов.

Вот как он описывал своё жилище в рассказе «Звонкий домик»: «Мой дачный домик, слепленный» из дощечек и

покрытый жостью, настолько звонкий и чуткий, что вечерами слышно, как за окном, на солнечной стороне, столбом толкутся жутко воюющие комары.

Я сижу за столом, работаю и по звукам знаю, что творится за стенами моего гулкого домика».

Мне захотелось войти внутрь и посмотреть, в каких условиях жил и писал Пётр Павлович. Дверной проём оказался настолько низким, что мне пришлось пригнуться.

– Как в такую дверь проходил Пётр Павлович при его высоком росте? – удивился я.

– Голове часто доставалось . . . – ответила Ольга Григорьевна.

Обстановка внутри оказалась спартанской, без изменений за сорок лет с момента приобретения домика. Летом в нём жили Дедовы с двумя сыновьями. В комнате площадью четыре на пять метров стояли кирпичная печь, кухонный стол, диван, у окна – рабочий стол, на котором с одной стороны лежал толстый том Гюго, на другой – стопка журналов «Сибирские огни». В это окно заглядывали к Петру Павловичу лоси, которые, выйдя на кромку бора, интересовались незнакомым им оконным светом.

За этим столом Пётр Павлович работал летом и зимой, создал многие замечательные произведения. В том числе: «Чалдония», «Русская доля», «Алый цвет зари» и другие.

Наугад я вынул из стопки один журнал, и в моих руках оказался первый номер за 1976 год. Раскрыв его, увидел повесть Петра Дедова «Берёзовая ёлка». Невольно стал читать абзац на первой странице: «Буря стихла утром третьего дня. Как ни в чём не бывало, любопытствующим оком выглянуло из-за горизонта солнце, словно хотело посмотреть, что здесь натворилось за эти два дня, пока оно не видело землю. Но никаких следов страшной трагедии не оставила степь. Она

безмятежно покоилась в розовом сиянии, рябила голубыми сугробами, острые гребни которых лишь чуть-чуть курились позёмкой».

Закрыв журнал, опёрся рукой на стол и посмотрел в окно. Мне хотелось увидеть пейзаж, на который многие годы смотрел Пётр Павлович, работая за этим столом. К сожалению, перед окном вырос огромный куст сирени и закрыл обзор. Через просветы между ветками виднелось большое поле усадьбы, за которой стеной стояли деревья Караканского бора. Я вспомнил рассказ Петра Павловича, как он на лошади, запряжённой в плуг, пахал это поле для посадки картошки. Мои размышления прервала Ольга Григорьевна:

– Пойдёмте завтракать.

– Скажите, пожалуйста, как вы размещались в такой маленькой избушке вчетвером?

– Очень просто. Детям было семь и двенадцать лет, когда мы купили домик. Весь день проводили на свежем воздухе в лесу и на берегу Обского моря. Рыбачили, собирали грибы и ягоды, питались в летней кухне, а на ночь детей укладывали на полу за печью.

Сегодня Ольга Григорьевна проживает в прекрасном трёхкомнатном особняке с мансардой. Дом стоит на самой кромке бора. Несколько берёз оказались на участке, и создают комфортные условия отдыха в тени развесистых крон. Этот дом построили для родителей сыновья Саша и Сергей.

За завтраком я спросил Ольгу Григорьевну:

– Как вы оказались в Ерестной?

– Пётр Павлович любил работать в тиши и одиночестве. В семидесятые годы прошлого века Союз писателей постоянно давал ему путёвки в Дома творчества. Мы с ним несколько раз побывали в известном на всю страну Доме творчества писателей в Переделкино. Он трудился, а я создавала условия

для его творчества. От работы отвлекали встречи с известными писателями того времени. Одного месяца в году для творчества недостаточно и мы решили купить домик вдали от городского шума и суеты.

– Почему выбор пал на Ерестную?

– Зашла как-то я к приятельнице по работе в школе и вижу, стоит ведро с брусникой. Где купили бруснику? – спросила. «Я не покупала, набрала в бору», – ответила она и стала рассказывать про посёлок Ерестная. Её рассказы о рыбалке, охоте, сборе ягод и грибов я передала Петру Павловичу. Он загорелся желанием посмотреть этот чудесный уголок природы.

Через несколько дней мы сели на пароход, отходящий из Новосибирска в Камень-на-Оби. Нам хотелось посмотреть шлюзование через плотину новосибирской ГЭС и проплыть по Обскому водохранилищу. В Ерестной пароход причалил к отмели только утром на следующий день. Он несколько раз пересекал водохранилище, приставая у всех посёлков, расположенных на правом и левом берегах.

С отмели нам пришлось подниматься по крутой тропе на высокий берег, на котором между водохранилищем и лесом, двумя улицами вытянулся посёлок.

Мы оказались в знакомой с детства обстановке. По тихой безлюдной улице бродили куры, где-то мычала корова. В посёлке продавался один единственный дом с покосившимся забором. Чувствовалось, что в доме не было мужчины. Хозяйка приветливо встретила нас. Показала дом, постройки и повела в огород. По дороге рассказала причину продажи: «Дети живут в Новосибирске, дочь родила мальчика, зовёт к себе нянчить внука».

Огород, площадью более двадцати соток, был засажен не только картошкой и овощами. Здесь росли дыни и арбузы».

– Я не думал, что вблизи Новосибирска могут расти бахчевые культуры, – удивился Пётр Павлович, – у нас в Кулунде не в каждом районе растут арбузы.

– Здесь микроклимат позволяет выращивать даже фрукты, – ответила хозяйка.

– Мне нравится усадьба, – обратился Пётр Павлович к супруге, – какое твоё мнение?

– У нас нет выбора, если тебе нравится, будем покупать.

– Мы не взяли с собой деньги, – сказал Пётр Павлович хозяйке, – через неделю приедем оформлять покупку.

В Ерестную с Дедовыми поехали Юрий Владимирович Чернов и мама Ольги Григорьевны, которая имела деньги на покупку дома. Журналисты в то время не были богатыми людьми. Чернов тоже загорелся желанием купить дом.

Машина остановилась около магазина. Ольга Григорьевна увидела на столбе объявление и вслух прочитала: «Продаётся дом по улице Боровая номер два».

– Это не тот дом, который мы смотрели, – сказал Пётр Павлович.

– Тот дом мы смотрели, посмотрим другой и сделаем выбор. Её поддержал Чернов.

Небольшой домик стоял на краю посёлка за покосившимся забором, вдали от проезжей дороги. Его единственное окно смотрело в сторону бора, вплотную примыкающего к усадьбе. Такое уединённое место и искал Пётр Павлович. Оно ему сразу понравилось, и он произнёс:

– Покупаем этот домик.

Дедовы приобрели приглянувшуюся усадьбу, а Юрий Владимирович купил дом на другом конце улицы.

Так в Ерестной появились два писателя. Пётр Павлович часто шутил: «Если в посёлке надо найти писателя, ищи дом с покосившимся забором».

Летом семья Дедовых наслаждалась деревенской жизнью. Каждый нашёл себе любимое занятие. Петр Павлович работал над очередной книгой. Дети пропадали на рыбалке. Ольга Григорьевна хлопотала по хозяйству. Вечерами все вместе гуляли, изучая окрестности.

В посёлке только двое жителей держали коров. Дедовы договорились с Лариковой Евдокией Павловной ежедневно покупать у неё молоко. Когда подошло время сенокоса, Евдокия Павловна заявила: «Если Петр Павлович не поможет мне накосить сена, я не буду продавать вам молоко».

Пришлось Петру Павловичу отложить работу над рукописью и выйти на сенокос. В военные годы он освоил не одну сельскую профессию. Для деревенского мальчишки пахать и косить было обыденным делом.

Жители с удивлением смотрели на писателя, плавно в раскочку передвигающегося по лугу. Его высокий рост позволял захватить полосу в несколько метров. Валки травы ровными рядами ложились на поле. Как только Пётр Павлович услышал шипение косы, срезающей буйную траву, и в нос ударил знакомый запах сенокоса, он забыл обо всём. Ему доставляло радость вновь прикоснуться к истинно крестьянскому труду.

Зимой посёлок пустел, дачники уезжали, оставалось несколько десятков человек местных жителей. Магазин не работал. Дедовы набивали рюкзаки продуктами, на автобусе доезжали до Красного яра и пешком шли по льду Обского водохранилища. Средняя ширина водохранилища десять километров. В районе Ерестной значительно шире. Жили в домике, пока не кончатся продукты.

Ежедневно ходили на лыжах в лес. Забирались в глухие места. Там кипела своя жизнь. Дятел отбивал морзянку, выискивая корм в повреждённых вредителями деревьях, весёлые синички порхали на берёзах. Иногда из-под снега с шумом

взлетал заспавшийся глухарь, пугая лыжников. Однажды им дорогу на просеке перегородили три лося: рогач, корова и тогуш. Они стояли и смотрели на незнакомых им существ.

– Петя, лоси! – произнесла Ольга Григорьевна.

– Вижу, – шёпотом ответил он, боясь спугнуть редкое зрелище.

– Они нас не тронут?

– Не думаю.

– Уходите с дороги! – громко закричала Ольга Григорьевна.

Звери на махах побежали в лес, высоко поднимая ноги в глубоком снегу.

Возвращались Дедовы в город тем же путём. Через несколько дней вновь приезжали в Ерестную.

В февральский тёплый день они вышли из рейсового автобуса в Красном Яре. Пётр Павлович привязал рюкзаки к детским санкам и зашагал по накатанному рыбаками спуску около нефтебазы, на лёд. Ольга Григорьевна последовала за ним. В пасмурную погоду противоположный берег плохо просматривался, но это их не смущало. Они не первый раз переходили водохранилище. Постепенно потянула позёмка. Сильный ветер срывал снег с наносов и гнал по льду. Ручейки снега змеями извивались между снежными наносами, постепенно превратились в единый снежный поток. Снежная река залила людей по пояс. Со стороны можно было бы подумать, что по снежной равнине двигаются бюсты людей. Ветер усилился, снег посыпал сверху, стало тяжело держаться на ногах. Над водохранилищем разыгралась буря, скрыв в своих объятиях людей.

– Петя! – я тебя не вижу! – во весь голос закричала Ольга Григорьевна, оставшая от санок.

– Иди на мой голос!

Подойдя вплотную к мужу, она ухватилась за верёвку санок не для того, чтобы помогать везти груз, а для того, чтобы не

унесло бурей. Пётр Павлович продолжал шагать вперёд, отворачивая лицо от ветра.

– Мы не заблудимся? – спросила Ольга Григорьевна.

– Ветер дует вдоль моря, надо идти, чтобы он дул нам в правый бок.

Путь казался бесконечным. Несмотря на усталость, она не просила мужа остановиться и отдохнуть. Только когда внезапно через снежную пелену показался тёмной полосой высокий берег, сказала:

– Давай отдохнём.

Через час после моего приезда в Ерестную в текущем году к Ольге Григорьевне пришёл местный житель Сергей, который поехал с нами проводником показывать ягодные места. Мы объезжали бор по хорошо знакомым ему просекам, останавливались на буграх, заросших черничником, но урожая ягод не находили. Повсюду попадались вырубка, на делянах лежали кучи веток и вершины спиленных деревьев.

– Почему после рубки леса отходы не сжигают? – спросил я Сергея.

– Лесников сократили, рубка леса ведётся без контроля.

Мы проехали не один десяток километров. Я внимательно смотрел по сторонам, пытаюсь увидеть старожилов этих мест – лосей. Но тщетно. Тогда спросил Сергея:

– Лоси в бору сохранились?

– Бесконтрольный отстрел зверей привел к тому, что уже несколько лет не удаётся увидеть даже их следов.

Мне стало грустно. Вспомнились рассказы Петра Павловича, который почти при каждом выходе в лес встречал и любовался лесными исполинами.

На следующий день наш путь лежал по опушке смешанного леса. Этим маршрутом часто ходили Дедовы. Стройные сосны и берёзы наперегонки тянулись к небу. На поляне, за-

литой солнцем, Ольга Григорьевна остановилась, задумалась и стала рассказывать: «Сорок лет назад на этой поляне стояли берёзовые пни. Приходит как-то осенью Пётр Павлович после прогулки и спрашивает:

– Грибов надо?

– Конечно.

– Собирайся, пойдём за опятами.

Приводит меня на эту поляну и говорит:

– Ищи.

– Обвела поляну взором, прошла по ней, никаких грибов не вижу. У меня на родине в Кулунде грибы не растут. Я не знала, как и где их надо искать.

– Нет здесь грибов, – говорю ему с обидой, – оторвал от нужных дел.

Он стоит и улыбается.

– Ищи лучше.

Посмотрела на ближайший пенёк и вижу: из-под травы выглядывает опёнок. Присела, а там целая семья молодых опят, ножки толще шляпки. Пётр Павлович нашёл их во время прогулки и прикрыл травой. Этот урок пошёл мне на пользу. Грибы собирать мы оба любили».

Вот как Пётр Павлович описывает в повести «Русская доля» сбор грибов: «Идём с ней по лесу, несём на палке корзину грибов – не успеваю пот смахивать со лба, а ей крайне надо остановиться, разложить грибы так, чтобы налитые винным цветом боровики красиво перемежались с красноголовиками подосиновиками, а поверх всего – ещё спелая гроздь калины и, (ну как же без них-то!) три красных кленовых листа, похожих на гусиные лапки, и три сосновых шишки, напоминающих взъерошенных воробьёв...»

Пётр Павлович любил подбирать в лесу причудливые ветки, напоминающие каких-нибудь животных, и развешивать их на стене. В комнате, в которой мне не раз приходилось

ночевать, на стене висели рога лося, ветки похожие на змей, черепах, птиц и других животных.

Незаметно мы подошли к водохранилищу и повернули по водозащитной полосе к лестнице, чтобы спуститься вниз и посидеть у воды на лавочке, на которой часто сидели Дедовы, а Ольга Григорьевна читала вслух мужу его любимые произведения Бунина...

Вдоль побережья тянулись заборы частных дач. Когда мы подошли к спуску, были обескуражены. На лестнице стояла металлическая калитка, закрытая на замок, и висело объявление: «Частная собственность». Рядом с калиткой на отвесной скале росла сосна, воспетая Дедовым:

*В каком-то стремительном дерзком порыве
Застыла сосна на краю у обрыва.
Как жилы рук, напрягая коренья,
Готовая рухнуть в любое мгновенье.*

Внизу спокойно раскинулось море, на противоположном берегу с трудом просматривались пятна построек посёлка Красный Яр. Спуститься к воде и посидеть на лавочке нам не удалось.

Прежде чем покинуть Ерестную, мы заехали к Юрию Владимировичу Чернову, которого связывала с Петром Павловичем совместная работа и писательская судьба. Они часто встречались, спорили и обсуждали современную литературу.

Уезжая из посёлка, я надеялся посетить ещё не раз этот благодатный уголок природы, в котором проживают близкие мне по духу люди.